

**НЕОНИЛЛА
САМУХИНА**

АССЕНИЗАТОР

Неонилла Самухина

Ассенизатор

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166659

Неонилла Самухина

АССЕНИЗАТОР

Иван Тимофеевич уже восемнадцать лет работал провизором в одной из центральных аптек Петербурга на Невском проспекте.

Ездить ему приходилось издалека – он жил в Рыбацком, хотя после открытия у них станции метро, дорога перестала быть для него утомительной.

Он брал с собой книжку, садился во второй вагон и, читая где-нибудь в уголке, спокойно ехал по прямой до «Гостинки». Там ему оставалось только просочиться в вечной толчее к выходу на канал Грибоедова, и, выйдя на поверхность, пройти пять минут по Невскому до своей аптеки.

После работы, если была хорошая погода, Иван Тимофеевич всегда шел пешком до станции метро «Маяковская» и только там спускался под землю. Он получал от этих прогулок большое удовольствие, поскольку очень любил центр и был счастлив, что может каждый день бывать на Невском. Если бы не работа, вряд ли он смог бы сюда так часто выбираться...

Иван Тимофеевич был с виду человеком незаметным и тихим, но это с недавних пор осталось лишь его внешней оболочкой. Настоящего же облика его никто не знал, а если бы узнал, то был бы, по меньшей мере, удивлен, если не ска-

зять больше.

А все началось со смерти матери, женщины властной, руководившей всей жизнью сына и скончавшейся два года назад в одночасье от инсульта во время скандала с соседкой по лестничной площадке. Скандал с ее стороны был совершенно обоснованным: их соседка, Светлана, «разведенка» сорока лет, завела себе ротвейлера, собаку, которую в любимых Иваном Тимофеевичем мистических триллерах всегда изображали пособницей дьявола. Так вот, эта соседка водила гулять свое «исчадие ада» не только без намордника, но даже без поводка, а иногда, когда ей было лень с ним выходить, выпускала его на улицу вообще одного. Естественно, что через некоторое время на нее посыпались жалобы и в ЖЭК, и в милицию, поскольку собака кидалась на прохожих и детей, пугая их и нанося, пусть незначительные, но болезненные травмы.

Соседка же на все претензии неизменно презрительно отвечала:

– Сами виноваты! Нечего дразнить собаку, она защищается...

Даже участковый, кроме как пожурить строптивую хозяйку, по закону ничего не мог больше сделать.

Иван Тимофеевич недоумевал: почему нельзя принять закон, обязывающий владельцев собак выводить их на улицу в намордниках? Ведь собака не теленок, ей не нужно щипать травку. Ее дело побегать, погадить – и домой, а этому

намордник не мешает... А для нарушителей закона нужно ввести штраф на изрядную сумму. Тогда и на улицах станет безопасней, и городскую казну можно будет пополнить, хотя бы для того, чтобы построить те же собачьи площадки...

Так он думал, глядя, как сволочная собака гоняет детей по двору. Но самое печальное, что Иван Тимофеевич понимал, что даже в случае введения этого закона, следить за его исполнением все равно будет некому – милиционеров на улице днем с огнем не найдешь, ГАИшники тоже своим делом заняты, им не то, что не до собак – не до людей даже.

По большому счету, на людей, если только у них нечего отнять, наплевать всем. Даже, если убивать будут, то долгожданной трели милицейского свистка, возвещавшего встарь, что тебе спешат на помощь, не услышишь. Это на западе полисмены – на каждом углу, а у нас, видимо, как в Багдаде – все спокойно... и нечего бедной милиции на улицах делать. Теперь милиционера живьем только в отделении и увидишь.

Хотя нет, было дело, экс-начальник питерского ГУВД Анатолий Пониделко, или как его называли: «мент в бабочке», несколько лет назад пробовал выпустить на улицы «культурных городских», но те, помелькав фуражками с красным верхом, быстро пропали, как чудесный сон. Так что, если тебя примутся убивать, то ответом на это будет лишь равнодушно-боязливое пробегание прохожих мимо да молчание толпы, жадно рассматривающей твой холодеющий труп, если не удалось отбиться от злодеев. Потом приедут

опера – молодые деловитые или бывалые апатичные пофигисты, потопчутся вокруг, изображая активность, а после вызовут флегматичных «труповозов», которые и уволокут тебя в прохладное место, где ты будешь лежать в морозильнике с ярлычком на пальце типа ценника, неинтересный никому, даже себе, пока не «заховают» тебя в сыру землю... или в топку крематория, кому как повезет... А дело твое помурыжат-помурыжат да и отправят в архив, в какой-нибудь глухой угол-«токовище», где навечно поселились стаи таких же «глухарей», на которых, в отличие от их пернатых тезок, охотников нет и не было изначально.

Большой аккуратист и педант, как все прирожденные аптекари, Иван Тимофеевич очень переживал по поводу такой неорганизованности общественной жизни, но ничего с этим поделать не мог. Он ощущал, как зло и агрессия все больше начинают властвовать вокруг, но не знал, как с этим справиться, и очень страдал от осознания собственной беспомощности. Он никогда не вступал в споры с сослуживцами, не отвечал на хамство в транспорте, и все время думал о том, как было бы хорошо, если бы в мире осталась только одна Доброта, а все Зло испарилось, развеялось, как дым...

В тот злополучный день, в пятницу, Иван Тимофеевич находился как всегда на работе, а его мама, Полина Викторовна, ждала в гости свою приятельницу.

Карауля ее у окна, она увидела, как та входит в подъезд, и пошла к дверям, чтобы встретить гостью у лифта. Выход из лифта у них был, мягко говоря, странным – между этажами, на промежуточной площадке, за что отдельное спасибо «гениальному» архитектору...

И вот, когда подруга, пытая от излишнего веса, начала подниматься по лестнице, ее догнала непонятно откуда взявшаяся проклятая псина, и, набросившись сзади, начала рвать на ней одежду.

На крик несчастной женщины выскочили соседи, но они ничем не смогли помочь – собаку было не оттащить...

В отчаянии Полина Викторовна бросилась к дверям Светланы и начала трезвонить в звонок и колотить в дверь ногами, пока та не соизволила выйти.

– Да ты что же, гадина, делаешь?! – закричала на нее Полина Викторовна в гневе. – Опять выпустила своего убийцу без присмотра!

Но та, как всегда, презрительно поморщившись, оттолкнула ее в сторону и гаркнула своему ротвейлеру:

– Грей, фу! Домой...

Надо отдать должное, собака повиновалась ей беспрекословно и, оставив тяжело оседавшую на ступени жертву, быстро прошмыгнула в квартиру.

Светлана тоже повернулась, собираясь уйти домой. И тогда Полина Викторовна не выдержала.

Захлопнув перед носом соседки дверь в ее квартиру, она

схватила Светлану за волосы:

— Куда это ты собралась? — и, повернув ее к сидящей на лестнице окровавленной подруге, спросила: — А кто за это будет отвечать?

Светлана попыталась вырваться, но Полина Викторовна держала ее за волосы крепко.

Говорят, что даже после того, как она упала, неожиданно захрипев, то и тогда она не выпустила волос соседки, повалив ее за собой на пол.

Прибывший вскоре врач «скорой помощи» вынужден был отрезать волосы, чтобы освободить Светлану, потому что разжать кулак Полины Викторовны так и не удалось.

Как потом показало вскрытие, Полина Викторовна умерла от обширного инсульта сразу же после падения.

Когда Ивану Тимофеевичу позвонили на работу соседи, он не смог поверить в случившееся и, отпросившись у заведующей, помчался домой.

Подъезжая к дому, он издалека увидел толпящийся у подъезда народ, милицейский уазик и машину «скорой помощи».

Влетев в подъезд мимо расступившихся людей, он, не вызывая лифта, бегом помчался на свой этаж.

Наверху, у лифта, его задержал милиционер, но услышав возглас соседки: «Это ее сын», молча отошел в сторону, про-

пуская его.

Иван Тимофеевич сделал шаг, и вдруг заметил кровь на ступенях. Он поднял голову и замер. На площадке лежало чье-то тело, накрытое белой простыней. Около него толпились соседи, трое милиционеров и врач.

Растрепанная Светлана, увидев Ивана Тимофеевича, испуганно отпрянула к своей двери, прячась за спину участкового.

Медленно поднявшись по оставшемуся лестничному маршу, Иван Тимофеевич подошел к лежавшему на полу телу. Опустившись рядом с ним на колени, он потянул на себя край простыни.

Из-под белой ткани появилось неподвижное лицо матери, налитое темной кровью, ставшее каким-то чужим, незнакомым.

Он отвел глаза, и, тяжело поднявшись, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Что произошло? И почему она лежит здесь? Может быть, мы внесем ее в квартиру?

– До приезда следственной бригады ничего трогать нельзя, – тихо сказал кто-то из милиционеров.

– А потом?

– Потом приедут тру... работники СПБО* и заберут ее.

(*СНОСКА: Работники СПБО – работники специализированного бытового обслуживания, в просторечии: «трупопо-

ВОЗЫ».)

– Что же здесь произошло? – еще раз повторил вопрос Иван Тимофеевич, едва сдерживаясь.

– Полина Викторовна умерла от инсульта, – ответила Ольга Ивановна, соседка из квартиры напротив.

– А почему на лестнице кровь? – отрешенно спросил Иван Тимофеевич, показывая рукой назад.

Соседи начали переглядываться, не зная, как сообщить ему подробности, а хозяйка собаки тихо заскулила. Иван Тимофеевич сначала даже не понял, что это был за звук. Взглянув на скулящую соседку, он недоуменно нахмурился.

Тут Ольга Ивановна опять не выдержала, и, бросая негодующие взгляды на Светлану, принялась объяснять Ивану Тимофеевичу:

– Да это все из-за ее собаки произошло! Опять выпустила ее без присмотра. А к твоей маме подруга шла, и собака накинулась на нее...

Не дослушав ее, Иван Тимофеевич оглянулся на окровавленные ступени. Он вспомнил, что к маме сегодня должна была приехать тетя Вера.

– Что с ней? – спросил он, обращаясь к врачу, который молча стоял у стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.